

Научная статья
УДК 821.161.1.09“19”
DOI: 10.15393/j9.art.2021.9902

Полемический контекст образа «больное дитя» у А. А. Блока

Н. Ю. Грякалова

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: natura3@yandex.ru

Аннотация. Объектом исследования является первоначальный этап в процессе самоопределения русского литературного модернизма, который отмечен стремлением, с одной стороны, провести демаркацию между «декадентством» и «символизмом», с другой — освободиться от психопатологического дискурса в оценке новых художественных явлений, смещая тем самым конвенционально признанную границу между «нормой» и «патологией». На основе эго-документов (дневника и записных книжек) анализируются взгляды Александра Блока на «декадентство» и «декадентов», полемика о «декадентах» и «символистах» в прессе, реакция на нее Блока и художественный результат — стихотворение «А. М. Добролюбов» (1903), в котором репрезентируется образ одного из первых русских декадентов, жизнь которого стала легендой, породив определенный нарратив. Рассматриваются опорные концепты созданного Блоком образа, в частности «больное дитя», выявляются его источники, восходящие к полемике начала 1900-х гг. и к корпусу статей З. Гиппиус, а также ряд интертекстуальных параллелей (Д. Мережковский, Ф. Достоевский, А. Добролюбов). Прослежена текстологическая история стихотворения (от записи в тетрадь автографов и первой публикации до включения в состав «лирической трилогии»), определены функции эпиграфа как маркера «петербургского текста».

Ключевые слова: символизм, декадентство, психопатология, психиатрия, житнетворчество, поэтика «петербургского текста», эпиграф, паратекст

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00481, ИРЛИ РАН).

Для цитирования: Грякалова Н. Ю. Полемический контекст образа «больное дитя» у А. А. Блока // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 222–237. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9902

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9902

The Polemic Context of the “Sick Child” Image by A. A. Blok

Nataliya Ju. Gryakalova

*The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: natura3@yandex.ru

Abstract. This study examines the early phase of the self-defining process in Russian literary modernism, which demonstrated a desire to establish clear demarcation between “decadence” and “symbolism” on one hand and to be free from the psychopathological discourse in the evaluation of new artistic phenomena, thereby shifting the conventionally recognized border between “norm” and “pathology.” This paper analyses Aleksander Blok’s own views on “decadence” and “decadents” on the basis of his ego-documents (his diary and notebooks), discusses “decadents” and “symbolists” in the press, and, finally, the poet’s response to them and its literary embodiment — the poem *A. M. Dobrolyubov* (1903). In this poem Blok represents the image of one of the first Russian decadents A. Dobrolyubov, whose life became a legend, giving rise to a certain narrative. The basic concepts of the image created by Aleksander Blok in this poem are investigated, in particular, the image of a “sick child”: its sources, which date back to the polemics of the early 1900s and to a corpus of articles written by Z. Gippius, are identified along with a number of intertextual parallels (D. Merezhkovsky, F. Dostoevsky, A. Dobrolyubov). The article traces the poem’s textological history (from a note in the autograph book and the first publication to the inclusion in the “lyrical trilogy”) and reveals the functions of the epigraph as a marker of the “Petersburg text.”

Keywords: symbolism, decadence, psychopathology, psychiatry, life creation, poetics of the “Petersburg text,” epigraph, paratext

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-18-00481, IRLI RAS.

For citation: Gryakalova N. Ju. The Polemic Context of the “Sick Child” Image by A. A. Blok. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 222–237. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9902 (In Russ.)

.....

Первоначальный этап в процессе самоопределения русского литературного модернизма отмечен стремлением, с одной стороны, провести демаркацию между «декадентством» и «символизмом», с другой — освободиться от психопатологического дискурса в оценке новых художественных явлений, смещая тем самым конвенционально признанную границу между «нормой» и «патологией». Ставкой в этом противостоянии между теорией вырождения (дегенерации) — доминирующим биолого-медикалистским дискурсом эпохи *fin de siècle* [Матич], [Николози] — и антипозитивистскими воззрениями на природу творческого воображения и свободу личностного самовыражения будет «оправдание» невротического (психопатического) субъекта и конституирование его как культурного персонажа [Грякалова: 33–75].

Сама идея «декаданса», став к концу XIX в. коллективной *idée fixe*, представляла собой «одну из форм идеологической реакции на процесс культурной модернизации» [Зенкин]. «Психопат», «вырожденец», «мономан», «декадент» создают эпохальные конфигурации «Иного» — эмблемы того, что культура отвергает, оттесняет в маргинальное пространство как негативный элемент и в то же время стремится переосмыслить и принять. Александр Блок, представитель «младшего» поколения символистов, достаточно рано, еще в «допечатный» период творчества, целые страницы дневниковых записей посвятил размышлениям о сущности «декадентства» и его психо(пато)логических параметрах (Б8; 7: 25–29), а в перечне работ о современных литературных течениях, представленном в записной книжке № 1 (ЗК: 27–28), значительное место отвел авторам, репродуцировавшим дискурс вырождения. Встречается здесь и имя профессора Н. Н. Баженова, активно выступавшего на темы современной литературы в популярном жанре «психиатрических бесед». «Спору нет, следует быть очень осторожным в приложении к художественным явлениям такого специального и исключительного критерия, как психиатрический, — замечал он, например, в «психиатрическом этюде» «Символисты и декаденты». — Однако литературное движение, о котором мы говорим, выразилось и продолжает выражаться в таких уродливых формах, что

само собою возникает предположение, не подлежит ли оно гораздо более ведению нашей науки, чем ведению эстетической критики» [Баженов, 1899: 1]. К «декадентским» причислялись непонятные тогда большинству импрессионистические тенденции в искусстве; фрагментарность, усложненный метафоризм, неожиданные ассоциации, лингвистические трансгрессии расценивались как «патологические», в эффектах синестезии усматривали «спутанность мысли», как свидетельство «вырождения» воспринимались шокирующие публику элементы декадентского бунта — демонстративный эгоцентризм и эпатажный имморализм. В целях восстановления исторической справедливости стоит, однако, заметить, что Баженов, в отличие от многих своих коллег, любивших рассуждать о «границах сумасшествия» и числивших «гениев» по разряду «безумцев», а в «новом искусстве» видевших подтверждение выводов о «вырождении рода человеческого» [Сироткина], представлял перспективу творческого развития более оптимистично. Во всяком случае, он считал возможным в пределах эволюционистской парадигмы поставить вопрос о «прогенерации»: «...быть может, во многих случаях, где мы говорим о возвращении к типу пережитому, об атавизме или о дегенерации, мы правильнее поступили бы, если бы говорили о предвосхищении — конечно, неполном и несовершенном — будущего типа, об *adposterism'e*, о прогенерации?» [Баженов, 1899: 33]. Таким образом, доминирующая эпистема подвергалась сомнению внутри нее самой.

Блоковская рефлексия была направлена на то, чтобы, во-первых, прояснить сам термин, освободив его от отрицательных коннотаций, поскольку в массовом сознании «декадент» однозначно ассоциировался с «упадочником», «дегенератом» (Б8; 7: 26), а во-вторых, произвести, если угодно, ревизию литературного поля и отмежеваться от «дурных» декадентов — тех, «кому это имя принадлежит, как по существу, так и этимологически»:

«Декадентство — “*décadence*” — упадок.

Упадок (у нас?) состоит в том, что *иные*, или намеренно, или просто по отсутствию соответствующих талантов, затемняют

смысл своих произведений, причем некоторые сами в них ничего не понимают, а некоторые имеют самый ограниченный круг понимающих, т. е. только себя самих; от этого произведение теряет характер произведения искусства и в лучшем случае становится темной формулой, составленной из непонятных терминов — как отдельных слов, так и целых конструкций. <...> [<...> выписывают они порой безумные, порой дышащие неведомой силой иероглифы. Но не в безумцах ожидаемые силы]» (Б8; 7: 26, 29).

Блоковские размышления не были оригинальны и лежали в русле общих умонастроений «младших» символистов, стремившихся преодолеть крайности декадентства на путях теургического творчества («соловьевцы») или «нового религиозного сознания» (Мережковские). Есть все основания полагать, что в ряду *иных* Блок разумел прежде всего поэта Александра Добролюбова, декадента par excellence, еще при жизни ставшего легендой, вошедшего в анналы раннего русского модернизма и даже попавшего на страницы символистской беллетристики: под именем Александра Елисеева, поэта-декадента и аморалиста ницшеанского толка, он выведен в романе З. Гиппиус «Победители» (1898) [Рыкунина]¹. В своих оценках творчества «декадентов» Блок первоначально ориентируется на услышанный им осенью 1901 г. и подробно законспектированный доклад Р. В. Иванова-Разумника «О “декадентстве” в современном искусстве» (ЗК: 22–24), где «непонятность» для публики подобных произведений объяснялась погруженностью декадентов исключительно в сферу гипертрофированных субъективно-индивидуальных ощущений. «Декадентство — явление субъективно-индивидуальное, — записывает Блок. — РЕЗКИЙ пример — психические больные — люди, стремящиеся передать свое личное. Добролюбов — ближе всех к психическим больным (из наших современных декадентов). <...> Произведения Добролюбова принадлежат более психиатрической, чем литературной оценке» (ЗК: 23)². Как показал А. В. Лавров, обратившийся к неопубликованной статье Иванова-Разумника «О “декадентстве” в современном русском искусстве», Блок излагал позицию будущего критика

хотя и схематично, но достаточно близко к тексту [Переписка с Ивановым-Разумником: 367].

И все же отношение Блока к декадентству и декадентам было не столь однозначным. В марте 1902 г. состоялось его знакомство с Мережковскими, которые в это время консолидировали круг единомышленников под знаком «религиозной общественности», одной из форм модернистского активизма, и «преодоление декадентства» входило в их программную стратегию. В литературно-критических выступлениях З. Гиппиус поэты-декаденты и символисты «первой волны» (А. Добролюбов, Вл. Гиппиус, И. Коневской) репрезентировались как незрелые, инфантильные субъекты, индивидуалисты, заблудившиеся, не обретя путеводной нити, в лабиринтах собственного «Я», образцы их поэтического творчества удастаивались сравнения с «улыбкой больного ребенка» [Коневской: 187]³. В статье «Критика любви», имевшей подзаголовок «Декаденты-поэты», автор центрирует внимание на личности Александра Добролюбова как одном «из самых маленьких людей, самых несчастных, осмеянных» [Гиппиус: 30]. Отвергая существующие оценочные клише (декаденты — «юродивые», «больные», «дуращие мальчишки»), Гиппиус пытается преодолеть дискурс дегенерации и разобраться в причинах коммуникативной неудачи: «Может быть, это просто покинутый ребенок, которого не слышат?» [Гиппиус: 30]. Критик выписывает свой «рецепт» спасения от одиночества и «ухода в аскетизм» — принятие «новой» религии, понимаемой как «соединение в Едином», т. е. еще один вариант модернистской утопии.

Как известно, Блок не разделял идей «религиозной общественности», и дух мистического рационализма ему был чужд [Минц: 123–135]. Он тщательно оберегал свой внутренний мир и дорожил собственным мистическим опытом, оценивая его как творческую интенцию [Грякалова: 103–104]. В попытке дистанцироваться от влияния Мережковских он надевает на себя маску декадента и тематизирует близость к литературным «изгоям», сравнивая их (и себя) с падшими ангелами (ср. в Послании св. ап. Иуды: «...и ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает

в вечных узах, под мраком, на суд великого дня» (Иуд. 1:6): «...боюсь, что окончательно убедитесь в моем декадентстве, — обращается он к Гиппиус в письме от 14 сентября 1902 г. — Декаденты ведь ангелы, не забывшие о своем начальстве, но “оставившие” свое жилище. Всегда брезжит в памяти иной смысл, когда кругом отбивается такт мировой жизни. <...> Пока что разрежаю мою сгущенную молниеносную атмосферу жестокой арлекинадой <...>. Простите, что пишу все только о себе и так “самоутверждаюсь”» (Б8; 8: 46).

Как отзвук полемических дискуссий можно интерпретировать «загадочную» фразу из записной книжки Блока: «Добролюбов — глава лапососания» (ЗК: 43), которая стала хрестоматийной характеристикой блоковской рецепции личности поэта-декадента и приводится обычно без каких-либо комментариев. Существенно, однако, что запись сделана буквально через несколько дней после визита Блока к Мережковским в Заклинье под Лугой 21–22 сентября 1902 г., где они проводили летнее время, и является частью весьма выразительного фрагмента. Он начинается фразой, в которой «чужое слово» подчеркнуто Блоком: «Отсутствие *идеалов* у декадентов» (заключительная фраза: «Противоположное — соловьевский лагерь») и представляет особый тип записи, характерный для блоковской эго-документалистики, — конспект разговора. Это текстологическое наблюдение позволяет «переадресовать» данное высказывание Зинаиде Гиппиус, особенно с учетом рассмотренного выше критического метатекста (словарное истолкование экспрессивного фразеологизма «сосать лапу» — довольствоваться малым, жить без больших запросов и высоких стремлений, т. е. «без *идеалов*»). Более того, из декабрьских писем 1902 г. к невесте, Л. Д. Менделеевой, и к М. С. Соловьеву, брату философа, становится понятно, что Блок возлагал на Добролюбова некие надежды в мистическом поединке с «преодолевшими соловьевство» «петербургскими мистиками» и приветствовал его «выздоровление»: «Чего хотят все эти здешние “на освященном месте»? Скоро все это откроется. Знаменательно теперь новое появление г-на Добролюбова на литерат<урно>-мистических горизонтах. О, как они все провалятся!» (Б-М: 72)⁴. В 1902 г. после странствий по монастырям и сектантским общинам Добролюбов на некоторое

время вернулся в Петербург (отчасти вынужденно, скрываясь от судебного преследования за проповедь пацифизма), вызвав ажиотажное внимание в символистских кругах. По настоянию матери он был помещен в психиатрическую лечебницу, но медицинское освидетельствование признало его душевно здоровым, хотя ранее его состояние, согласно приведенному А. Л. Соболевым документу, диагностировалось как «душевное расстройство в форме религиозного первичного помешательства (*Paranoia religiosa*) в его активной форме, т. е. со стремлением к проповедничеству» [Соболев]. Неоднократные пребывания в лечебницах дали Добролюбову материал для творчества: «Потому что сумасшедший дом есть истина о мире. Поэтому необходимо напечатать рассказы о нем алмазным резцом на каменных скалах — для всех, навсегда, чтоб читающий мог легко прочесть», — писал он В. Брюсову в 1903 г.⁵, комментируя трансгрессивный опыт соприкосновения с безумием как скрытой, сакрализованной истиной, в согласии с евангельским текстом о блаженстве нищих духом. Два прозаических этюда из жизни обитателей скорбного дома были опубликованы в символистском альманахе «Северные цветы» за 1903 г. под заглавием «Рисунки из сумасшедшего дома» (в том же выпуске впервые вышел к читателю блоковский цикл «Стихи о Прекрасной Даме»).

Блок следил за перипетиями судьбы поэта-декадента, ставшего для него символом «мистического действия»⁶, а именно так он расценивал его жизнетворческий акт — разрыв с образованным обществом и уход «в народ». В первых числах апреля 1903 г., после нескольких месяцев больничного заточения, Добролюбов выходит на волю, вновь готовый к странническому пути [Азадовский: 132]. По-видимому, это событие послужило для Блока импульсом к созданию стихотворения, записанного в Тетрадь беловых автографов № 3 под названием «А. М. Добролюбов» и датированного 10 апреля 1903 г.:

«Из городского тумана,
Посохом землю чертя,
Холодно, странно и рано
Вышло больное дитя.
Будто играющий в жмурки
С Вечностью — мальчик больной,

Странствуя, чертит фигурки
 И призывает на бой.
 Голос и дерзок и тонок,
 Замысел — детски-высок.
 Слабый и хилый ребенок
 В ручке несет стебелек.
 Стебель вселенского дела
 Гладит и кличет: Молись!
 Вкруг исхудалого тела
 Стебли цветов завились...
 Вот поднимаются выше —
 Скоро уйдут в небосвод...
 Голос все тише, все тише...
 Скоро заплачет — поймет» (Б20; 1: 152–153).

Заглавный персонаж — поэт-декадент, странник, религиозный бунтарь, апологет мистического знания — репрезентирован повторяющимися образами одного семантического ряда: «больное дитя», «мальчик больной», «слабый и хилый ребенок». Несколько диминутивов («фигурки», «в ручке», «стебелек») подчеркивают его телесную немощь и слабость («голос... тонок», «исхудалое тело», «голос все тише, все тише», «скоро заплачет»). Тематизация «детскости» через указанные образы-концепты — прямая отсылка к корпусу полемических выступлений З. Гиппиус против декадентов. Однако в интерпретации Блока декадент, это стигматизированное тело социума, наделяется пророческой миссией: знаки его пути подобны иероглифам («Посохом землю чертя», «Странствуя, чертит фигурки»), которые расшифруют только посвященные (ср. приведенное выше суждение о декадентах в записной книжке Блока: «...выписывают они порой безумные, порой дышащие неведомой силой иероглифы»). Юный пророк будущего преображения не признан миром: «Холодно, странно и рано / Вышло больное дитя» (эти строки являются прямой аллюзией на стихотворение Д. Мережковского «Дети ночи» (1894), образец мироощущения и художественного самоанализа раннего символизма). Противопоставление внешнего и внутреннего (тело / дух) подчеркнуто контрастно («голос и дерзок и тонок»), усилено рифмой (больной / бой), предполагает мифопоэтические трансформации (стебелек — стебель

вселенского дела — стебли цветов, устремленных ввысь как символ мирового древа, связующего земную и небесную твердь). Изображение лирического субъекта «не от мира сего», способного к мистическому свершению, ожидаемо актуализирует евангельские ассоциации: будьте «как дети» (Мф. 18:3), «ибо таких есть Царствие Божие» (Мк. 10:14); «...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное <...> кто умалится <смирится>, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. 18:3–4).

Визуально текст кодируется растительной орнаментикой в стиле модерн («Вкруг исхудалого тела / Стебли цветов завились... // Вот поднимаются выше — / Скоро уйдут в небосвод...»), вызывающей в памяти живописные образы А. Мухи и М. А. Врубеля, а образ протагониста напоминает болезненно-бесплотных отроков с полотен М. В. Нестерова («Видение отроку Варфоломею», «Дмитрий-царевич убиенный»), представителя символизма в русской живописи, кстати, причисленного к «декадентам» в указанном выше докладе Иванова-Разумника (ЗК: 24).

Дальнейшее развитие семантического сюжета связано с последующей историей текста. В мае 1907 г. вышел в свет альманах «Белые ночи», подготовленный группой петербургских литераторов символистского круга. И названием, и обложкой с изображением силуэта «Сфинкса» (рис. М. В. Добужинского), составом и композицией (альманах открывался стихотворением Вяч. Иванова «Сфинксы над Невой» и завершался блоковским «Белые ночи») данный артефакт был программно ориентирован на традицию «петербургского текста» русской литературы. В выборе текстов для публикации Блок строго следовал общей концепции: помимо уже указанных «Белых ночей» им был представлен диптих под названием «Петербургская поэма» и цикл «Томления весны», в составе которого анализируемое стихотворение впервые вышло к читателю. В первопечатной версии существенную трансформацию претерпел заголовочный ансамбль текста (паратекст). Во-первых, изменилось заглавие стихотворения, приобретая гибридную форму заглавия-посвящения — «Одному из декадентов». Во-вторых, появился эпиграф из стихотворения А. С. Пушкина «Легенда» («Жил на свете рыцарь бедный...»), но лигатура

сакрального текста «Ave, Mater Dei» была заменена на инициалы адресата стихотворного послания: «А. М. Д. — своею кровью / Начертал он на щите». В этой версии эпитафия была вписана в Тетрадь автографов № 3 позже, чем сам текст стихотворения. Возможно, это было сделано в 1906 г., поскольку к этому времени обозначился новый ракурс в восприятии Блоком личности поэта-декадента. Отвечая 11 февраля 1906 г. И. М. Брюсовой на присылку книг Добролюбова (Собрание стихов. М., 1900; Из Книги невидимой. М., 1905), он признавался:

«У меня за последние годы все еще только готовится какое-то “отношение” к Добролюбову. Часто я закрывал глаза на него; иногда мне казалось воистину, что А. М. Д. “своею кровью начертал он на щите”» (Б8; 8: 150).

Иллюстрируя свое первоначальное отношение к Добролюбову («Три года назад было так») посвященным ему стихотворением, Блок подчеркнул эпитет: «*больное дитя*», обозначив тем самым доминанту рецепции. И далее продолжал:

«Тогда я слушал биографию Добролюбова от многих. Сейчас, перелистывая “Невидимую книгу”, я узнаю бесконечно многое, иногда до того, что безобидно посмеиваюсь: дело в том, что я давно знаю лично и близко одну *живую книгу* Добролюбова — человека, который когда-то был ему ближе всех <...> Кажется, я начну теперь понимать в этом (добролюбовском) направлении все больше» (Б8; 8: 151).

Возвращаясь к первопечатному тексту, подчеркнем, что благодаря эпитафии была задана новая семантическая (и интертекстуальная) парадигма чтения, в том числе с проекцией на поэтику «петербургского текста», прежде всего Ф. М. Достоевского. В комментариях к академическому собранию сочинений Блока отмечено: «Традиция прочтения А.М.Д. из пушкинской “Легенды” как отсылки к реальному лицу восходит к роману Достоевского “Идиот”, что существенно для истолкования заглавного образа...» (Б20; 1: 589). Таким образом, устанавливается образная корреляция между поэтом-декадентом и князем Мышкиным, а следовательно, и со всей традицией изображения «больного сознания» и юродивого

поведения в русской литературе. Кроме того, лексема «больное дитя» отсылает также к образам страдающих, болезненных созданий в романах Достоевского, например, со словами «больное ты мое дитя» обращается герой романа «Униженные и оскорбленные» к Нелли, а ее «детское личико» описывается исполненным «какой-то странной, болезненной красоты» (ДЗ0; 3: 297, 294).

На этом история трансформаций эпиграфа не закончилась. Подготавливая в 1910 г. второе издание первого тома («Стихи о Прекрасной Даме») «лирической трилогии» и включая в него данное стихотворение, Блок вынес в заглавие подлинную фамилию и инициалы протагониста, эпиграф же приобрел следующий вид:

«А.М.Д. своею кровью
Начертал он на щите. *Пушкин*» (Б20; 1: 152).

Изменение всего лишь одного графического знака влечет за собой несколько важных следствий. Возвращение к тексту-источнику (эпиграф атрибутирован, в отличие от первопечатной редакции) актуализировало куртуазно-сакральный компонент — рыцарское поклонение Прекрасной Даме, что вводило в пространство уже собственно блоковского автобиографического мифа (в том числе и через обыгрывание «имени» прототипа Прекрасной Дамы — Л. Д. М.) и мотивировало включение стихотворения в соответствующий том. Латинизированная версия инициалов Добролюбова отсылала как к реальной личности протагониста текста, так и к образцам его творчества: в сборнике «*Natura naturans. Natura naturata*» (1895) раздел, содержащий единственное стихотворение — «О чем молишь, Светлый?..», был обозначен литерой «А... М... D...» (NN: 23), кодирующими отмеченные контексты. Таким образом, идя «по следу» Добролюбова, Блок делал акцент на общности истоков (жизне)творческих исканий «декадентов» и «символистов». А сама фигура поэта-декадента «не от мира сего» оказалась вовлечена в структуру блоковского мифа о пути современного художника.

Источники

Б8 – Блок А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1960–1963.

Б20 — Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 1997–.

Б–М — А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917 гг. М.: Наследие, 2017.

Д30 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 3.

ЗК — Блок А. Записные книжки: 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965.

NN — Добролюбов А. *Natura naturans. Natura naturata*. Тетрадь № 1. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1895.

Примечания

- ¹ Жизнь первого русского декадента А. М. Добролюбова в настоящее время многократно описана, в том числе на основе новых архивных разысканий (труды К. М. Азадовского, Е. В. Ивановой, А. А. Кобринского, А. Л. Соболева).
- ² Н. Н. Баженов, иллюстрируя одну из своих «психиатрических бесед» стихотворением Добролюбова, приходил к близкому мнению: поэт «представляет собой психический тип, совершенно не укладывающийся в психологические рамки и подлежащий ведению только психопатологии» [Баженов, 1903: 66–67].
- ³ Инфантилизация творческого сознания поэтов-декадентов, как и нравоучительные интонации вызвали гневную отповедь одного из них: «С этой спокойной усмешкой те же поэты, которые охотно принимают сочувственное им название — дети, будут слушать унылые и тревожные причитания своих нянюшек, которые ворчат на то, что детки все здоровье себе повредили — до того добаловались, так побереглись бы, как бы им совсем скоро и ножек не протянуть» [Коневской: 187–188].
- ⁴ Ср. аналогичный пассаж в письме к М. С. Соловьеву: «В довершение всего на сцену выступает г-н Добролюбов, который “выздоровел”! Наше место свято» (Б8; 8: 49).
- ⁵ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 85. Ед. хр. 16. Л. 31.
- ⁶ В письме к А. В. Гиппиусу от 23 июля 1902 г. Добролюбов назван одним из «застрельщиков» в движении от «созерцания» к «действию»: «Все “отсозерцались”. <...> “Мистическое созерцание” отходит. <...> В воздухе-то дрожат какие-то не мертвые “трели”. Вселенский голос плачет о прошлом покое и о грядущем перевороте. В нем и сожаление и желание. Неужели плеяда гибнущих застрельщиков (Антоний, Добролюбов, Ореус, Эрлих!) не говорит о границе, до которой мы дошли. Если да, то что же остается, как не броситься в этот “черный день” “со скал” — в дело (в битву, на “брань народов”)» (Б8; 8: 36–37).

Список литературы

1. Азадовский К. М. Путь Александра Добролюбова // Блоковский сб. Тарту: ТГУ, 1979. Вып. III: Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. С. 121–146.
2. Баженов Н. Н. Символисты и декаденты. Психиатрический этюд. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1899. 33 с.
3. Баженов Н. Н. Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1903. 159 с.
4. Гиппиус З. Критика любви. Декаденты-поэты // Мир искусства. 1901. № 1. С. 28–34.
5. Грякалова Н. Ю. Человек модерна: биография — рефлексия — письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 384 с.
6. Зенкин С. «Декаданс» в идейном контексте современности // Неприкосновенный запас. 2014. № 6 (68). С. 113–122 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2014/6> (18.06.2021).
7. Коневской И. Об отпевании новой русской поэзии // Северные цветы на 1901 год. М.: Скорпион, 1901. С. 180–188.
8. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 396 с.
9. Минц З. Г. А. Блок в полемике с Мережковскими // Блоковский сб. Тарту: ТГУ, 1980. Вып. IV: Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. С. 116–222.
10. Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 509 с.
11. Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником / вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Лаврова // Александр Блок. Новые материалы исследования: в 4 кн. М.: Наука, 1981. Кн. 2. С. 366–414. (Сер. «Литературное наследство»; т. 92.)
12. Рыкунина Ю. «Не преступи чрез мой порог...». Из комментария к «забытому» роману З. Н. Гиппиус // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 36 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/> (18.06.2021).
13. Сироткина И. Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 271 с.
14. Соболев А. Л. Больное беспокойство: новые материалы к биографии Александра Добролюбова // Тургенев и тигры: из архивных изысканий о русской литературе первой половины XX века. М.: Трутень, 2017. С. 141–181 [Электронный ресурс]. URL: <https://lucas-v leyden.livejournal.com/229686.html> (18.06.2021).

References

1. Azadovskiy K. M. The Path of Alexander Dobrolyubov. In: *Blokovskiy sbornik [Blok's Collection]*. Tartu, Tartu State University Publ., 1979, issue 3, pp. 121–146. (In Russ.)
2. Bazhenov N. N. *Simvolisty i dekadenty. Psikhiatricheskii etyud [Symbolists and Decadents. Psychiatric Etude]*. Moscow, A. I. Mamontov Publ., 1899. 33 p. (In Russ.)
3. Bazhenov N. N. *Psikhiatricheskie besedy na literaturnye i obshchestvennye temy [Psychiatric Conversations on Literary and Public Subjects]*. Moscow, A. I. Mamontov Publ., 1903. 159 p. (In Russ.)
4. Gippius Z. Criticism of Love. Decadents-Poets. In: *Mir iskusstva*, 1901, no. 1, pp. 28–34. (In Russ.)
5. Gryakalova N. Yu. *Chelovek moderna: biografiya — refleksiya — pis'mo [The Person of Modernism: Biography — Reflection — Writing]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008. 384 p. (In Russ.)
6. Zenkin S. “Decadence” in the Ideological Context of Contemporaneity. In: *Neprikosnovennyi zapas*, 2014, no. 6 (68), pp. 113–122. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2014/6> (accessed on June 18, 2021). (In Russ.)
7. Konevskoy I. On the Funeral Service for New Russian Poetry. In: *Severnye tsvety na 1901 god [Northern Flowers for 1901]*. Moscow, Scorpion Publ., 1901, pp. 180–188. (In Russ.)
8. Matich O. *Eroticheskaya utopiya: novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii [Erotic Utopia: New Religious Consciousness and Fin de Siècle in Russia]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 396 p. (In Russ.)
9. Mints Z. G. A. Blok in a Polemic with the Merezhkovskys. In: *Blokovskiy sbornik [Blok's Collection]*. Tartu, Tartu State University Publ., 1980, issue 4, pp. 116–222. (In Russ.)
10. Nicolosi R. *Vyrozhdenie: literatura i psikhiatriya v russkoy kul'ture kontsa XIX veka [Degeneration: Literature and Psychiatry in Russian Culture in Late of the 19th Century]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 509 p. (In Russ.)
11. Correspondence with R. V. Ivanov-Razumnik. In: *Aleksandr Blok. Novye Materialy i issledovaniya: v 4 knigakh [Alexander Blok. New Materials and Studies: in 4 Books]*. Moscow, Nauka Publ., 1981, book 2, pp. 366–414. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 92.) (In Russ.)
12. Rykunina Yu. “Don't Cross my Threshold...”. From the Commentary on the “Forgotten” Novel by Z. N. Gippius. In: *Toronto Slavic Quarterly*, 2011, no. 36. Available at: <http://www.utoronto.ca/tsq/> (accessed on June 18, 2021). (In Russ.)
13. Sirotkina I. *Klassiki i psikhiatry: psikhiatriya v rossiyskoy kul'ture kontsa XIX — nachala XX veka [Classics and Psychiatrists: Psychiatry in Russian Culture of the Late 19th — Early 20th Centuries]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 271 p. (In Russ.)

14. Sobolev A. L. Sick anxiety: New Materials for Alexander Dobrolyubov’s Biography. In: *Turgenev i tigry: iz arkhivnykh izyskaniy o russkoy literature pervoy poloviny XX veka* [*Turgenev and Tigers: From Archive Investigations on Russian Literature of the First Half of the 20th Century*]. Moscow, Truten’ Publ., 2017, pp. 141–181. Available at: <https://lucas-v.leyden.livejournal.com/229686.html> (accessed on June 18, 2021). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Грякалова Наталья Юрьевна, док- **Nataliya Ju. Gryakalova**, PhD (Philo-
тор филологических наук, профессор, лог), Professor, Chief Researcher, the
главный научный сотрудник, Ин- Institute of Russian Literature (Push-
ститут русской литературы (Пуш- kinskiy Dom), Russian Academy of
кинский Дом) РАН (наб. Макарова, 4, Sciences (nab. Makarova 4, St. Peters-
г. Санкт-Петербург, Российская Фе- burg, 199034, Russian Federation);
дерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0000-0002-6003-3475>; e-mail: natura3@yandex.ru.
natura3@yandex.ru. ru.

Поступила в редакцию / Received 12.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.08.2021

Принята к публикации / Accepted 25.08.2021

Дата публикации / Date of publication 30.09.2021